

пришел: “Собирайся, девочка, залежалась, хватит”. Это вот никогда не забуду. Один раз за всю жизнь. Может правда есть хозяин какой?»

Рассказывает Анастасия Васильевна Кондратьева, 1921 г.р., приехала из Омской обл. из д. Казанка Казанского р-на: «Ой, домовый меня вот здесь замучил, в Москве. Спать не давал, гнал меня отсюда. Я там уехала из дому, мама говорила, что боялась вечером заходить домой. Вот хожу, — говорит, — хожу чё-нибудь там у коровы, зайду домой, он начинается: “У-у-у!”

А со мной здесь творил: то одеяло сдернет, то с кровати толкнёт... Я боялась уж спать ложиться, на полу стала спать — толкнёт да и все. Девки смеялись: “Утащишь тебя в двери за ноги!” — вот эт точно.

А он отсюда гнал, потому что дома сестра там продала всё: и дом, и корову, и всё хозяйство, и мать забрала к себе. А потом ей мать детей поростила, она её и выгнала сюда, ко мне. Вот и осталась я без ничего.

Я один раз сплю, вижу около меня вот мужчина пляшет, прям топаёт. Я проснулась и на его говорю: “Ч-ч-ч!” — вот так вот, внизу-то люди живут! И потом сразу догадалась, говорю: “К худу или к добру?” Он: “Др-р-р-р!” И я комнату получила. Вот прям звук этот слышу: “Др-р-р-р!” — к добру значит. Вот он плясал. Обыкновенный мужик как будто, ну это во сне, а очнулась — никого нет. Я-то спросить и догадалась.

А вот когда у меня девочка была и умереть и с мужем разойтись — то он душил меня. И я не проснулась ещё, а сквозь сон спрашиваю: “К худу или к добру?” Он: “К ху-у-у!” — слышно вот так. Прям в ухо: “К ху-у-у!”

То один раз в ухо дул. Я проснулась, аж испугалась. Да у меня потом целый месяц ухо — не болело, а вроде как оглохло.

Даже вот до того доходило, что когда мама ко мне приехала, я говорю: “Мама, я хоть куда хочешь девайся! Меня домовый замучил!” Она говорит: “У тебя есть пуховый платок?” Я говорю: “Есть”. Она говорит: “Вот ложи под голову пуховый платок, он козьего пуху боится”. Так вот до сих пор на платке и сплю на пуховом. Так и заспала. Так что вот так».

В.В. ЗАПОРОЖЕЦ;
Государственный литературный музей
(Москва)

Охотничья и рыбацкая магия Каргополья

Ритуалы охоты и рыболовства определяются тем, что по сути эти промыслы воспринимаются как общение с потусторонними силами, а места, где они проходят, представляют собой чужое, инородное пространство, путешествие в которое подразумевает особый тип сборов, наличие ряда оберегов и соблюдение набора правил поведения. Материалы о народных традициях охоты и рыбной ловли были собраны в Каргопольском р-не Архангельской обл. экспедицией РГГУ (Москва) в 1996—2000 гг.

Некоторое время до и после одного из этих промыслов человек не моется и не бреется. Он находится в маргинальном состоянии, в процессе постепенного перехода из «своего» пространства в «чужое» и обратно. «Да, пока я на рыбалку не съезжу, я не бреюсь. Вот я, например, — я с продольником ежду — я уже не бреюсь. [В этот день?] В этот день и потом. Пока не выберу продольник обратно. Два дня получаетца. У меня два дня получаетца: день насаживаю, да я потом выберу продольник, — ну, пока рыбу обработаю... Уж на третий день бреюсь» (с. Льнозавод); «Допустим, идёшь ты вот на сезон в лес, нельзя бритца [с утра], в лесу тоже нельзя бритца, и выходишь ты с леса, ты опять сутки не должен бритца. Штобы с тобой ничево не случилось, ни медведь ни задрал, ничево» (с. Лаптево).

Так как человек отправляется в иной, враждебный ему мир, совершаются охранительные обряды. Особенно важен момент выхода из дома: перед этим не ссорятся, т.к. нельзя провожать промысловика грубым словом, напротив, надо сказать уходящему: «С Богом». «На рыбалку едет, особенно если после ссоры. Приезжает мушина на рыбалку, то были случаи, что тонет. А “С Богом”, значит под защитой бога хозяйка оставила» (с. Печниково). Выходят обычно до того, как встанет солнце. Лучше, чтобы по пути никто не встретился, особенно плохо увидеть по дороге женщину. Иногда плохим знаком перед охотой является встреча с каким-то определенным человеком — колдуном или обладающим дурным глазом. Такой человек может *сглазить* охоту. Порча охоты может быть также наведена с помощью словесной формулы: «Говорят, охотнику вослед если сказать: “Ни пера, ни пуха, медведя тебе в ружье”, он ничего не убьёт» (с. Ухта). Для этого же, наклонившись, смотрят между ног вослед охотнику: «Вот пошел еси [если] на рыбалку какой так, и мне рассказывал тут один, а говорит: вот наклонись так и посмотри туда меш ноги и говори: “Не рыбацк пошел — поп с кадилом”. Рукой помаши. Ничево ни зделаешь [то есть не поймашшь рыбы]» (с. Река). В качестве обере-

гов, помимо общих для любого путешествия, охотники берут в лес когти первого убитого медведя, а рыбаки на водоеме — кость из головы рыбы (она сочетается в себе колочество, свойственную большому числу оберегов от нечистой силы, и схожесть с крестом). «Медведя убьёт охотник, да когти нельзя от медведя отдавать. Никому нильзя отдавать — удачи в будущем не будит. Коготь носят даже — не видали? — коготь медведя даже носят как этот... амулет» (с. Рягово); «Рыбака тоже надо с напутствием. Вот я, допустим, у меня мать, дак она нимного познала. Она вот из этой, из большой рыбины [нрзб]. Из головы, в этой рыбине есть кресты, крещовая кость. Она вот так как раз и похожа, как крест. И эту кость ты берёшь, и надо зашивать, в общем, в шапку ли, в фурашку ли куда-то. Уж ты пойдёшь на реку, дак это ты уж точно рыбы наловишь» (с. Шильда).

О рыбаках часто говорят, что «на кого-то рыба идет, на кого-то нет». Непонятно, насколько это связано с рыбацким колдовством: «идет ли рыба» на просто удачливого рыбака или только на того, кто обладает особым сакральным знанием. «Вот у меня отец, дак хорошо ловил рыбу, на него рыба шла, а ни знаю, знал ли он чиво, или нет» (с. Печниково); «Ну, на кого рыба идёт, на кого не идёт, это-то я слышала, што там, у Лёкшма у озёра, дак рыбаки были, дак вон там, ну, какие-то тожи молитвы брали, да што вот, чиво-то ещё, што вот, на того рыба идёт, а на того не идёт. Это я слышала» (там же).

Под сакральным знанием подразумевается некий договор с нечистой силой: леший или водяной помогает (по крайней мере, не мешает) охотиться или рыбачить, взамен охотник берет на себя некоторые обязательства. Например, он не ест ягод, грибов, не рубит лес и т.п. Этот договор называют *статьёй*, но иногда смешиваются понятия охотничьей *статьи* и аналогичного ей пастушеского *отпуска*. «У охотников тожо [как и у пастухов] есть свое [колдовство]. Если там, в лес ходят, есть, видимо, есть у всех статьи какие» (с. Евсино); «И на рыбака есть отпуск. Будишь рыбу носить. На охотника. Будишь хорошо охотиться. Я этово ни знаю, но они почитают пойдут, и им охота хорошо пойдёт» (с. Печатниково).

Берется этот отпуск, как правило, у знахаря. Но возможна его передача от охотника охотнику (вероятно, в пределах одной семьи). Процесс его получения, как и в случае с пастухом, представляется по-разному: «Говорили просто... какую он там молитву ему прочитает...» (с. Шильда); «У меня вот отец охотник был, и какая-то старушка ему... вот в каком... ну, фуфайками называли. Он ходит на



1998 г., д. Лёкшма

охоту и сюды [в край фуфайки] вшила ему... тожо нильзя говорить-то. Ну, какой-то там наговорила, вот и вшила. И вот он удачный. Под год четырёх рысей убил. И мне не передал. Слова-то она по-русски говорила, объясняла ведь, правда?» (с. Нокола).

Это может быть крест или письменный вариант текста (заговора, молитвы). «Дак знали, знали, были кресты, да и каждое место всё было... Да крест-та такой был, дак такая и статья была читали. Крѣс-то от возьмут, да статья на бумажке, кто выучил, дак пойдут, дак и прочитают» (с. Бор); «Слова там изверские» (с. Евсино).

Статья также может заключаться в самом охотничьем оружии или снаряжении. Поэтому существует строгий запрет постороннему касаться его, как и пастушеского рожка или *погонялки*. «Там вот дедка рассказывал, у одново мужика была свистулька на ребка [рябчика] сделана. Сколько эти мужики ходят — ни фи́га, а он подѣт — целую [нрзб. — сумку?] набѣт этих рябчиков. А потом этот взял да у нево заменил — она из косточки, да там чѣ-то кто-то нашептал или чѣ-то наговорил, и вот эти рябчики прямо как один, [нрзб.] токо свиснет, чѣрт знат откуда прилетают. Вот, пока ходит, целую [нрзб. — сумку?] набѣт. А потом раз, и всё — сломался свисток, чѣ-то испортили ево и всё, у нево рябчики — как все стал ходить. [Как испортили?] А чѣ-то там нельзя, например, у нево вот свисток, да там мешочек был шит, да там, не знаю, старуха ли, кто ему там наколдовала — он всё и не ходил [?], потом посмотрели чѣво в

мешочке-то есть да... в чужие руки попал — всё, и у нево как сглаз получился» (с. Рягово).

Вообще, охотничьему и рыболовному снаряжению уделяется особое внимание. Рыбачья снасть перед первым ловом окурилась *вересом* (можжевельником) для снятия порчи и обеспечения удачной ловли. «У нас свекровка это тоже знала. Вот приежжают мужики — два рыбака, сюда заносят снасть. Она берѣт вересинку, зажигает вересинку и этой обносит эту снасть и перешархивает. Начинает со второво [переворачивает и кадит с другой стороны?]. Молитву воскресную. Мне еще было говаривали мужики: “Как из этово дому поедем тово году ловить, дак год оправдан будѣт, хорошо попадѣт рыбы”. Весной [речь идет о подледном лове]. А иногда и в лодке. [Что она делала с вересом?] Ничѣво: зажгѣт да окадит снасть, потом опять обведѣт да и всё» (с. Нокола).

Обряд проводился либо, как в данном случае, *знающим* человеком, либо самими рыбаками. «Зимой, дак обкуривали. Зимой невод наладят, сети да...»; «Невод вот сделают, ловушку делают, все, как говорится, двадцать четыре человека собираютца и невод брали и проходили все двадцать четыре человека... На заслон, там уж этово... огонѣк раскладут, там верес, так вот [перед тем, как идти на лов] все здесь пройдут. Через этот дым. В квартире на заслон [кляли верес и зажигали]. Все рыбаки пройдут» (там же).



Генрих Федорович Казанин (1937 г.р.) с пастушьим рожком (с. Печниково Каргопольского р-на Архангельской обл.). 1997 г. Фото Л. Джалилова

Статья в отличие от пастушеского отпуска, не только ограничивает действия охотника (рыбака) рядом запретов, но и выделяет ему определенную долю. Имеется в виду ограничение и разделение территории охоты (у охотников этот аспект развит больше, чем у рыбаков) и добычи. «Вот, например, там ты подошёл там к старичку — они знали, как это — он тебя отвёл, говорит: вот тот, тот, тот квартал взял — всё. Если ты за просеку перешёл, значит тебя могут не найти или тебя медведь задерёт, или у тебя в капкане ничего не будет» (с. Лаптево); «Если, допустим, ты вот идёшь, а увидел — лыжня, тебе нельзя её переходить. Тебе надо уйти в сторону вообще, пройти там, где нет лыжни. Почему вот тебе нельзя пройти? Потому што значит это место занято» (с. Лаптево).

Плохим знаком считается чрезмерно богатая добыча (улов). Это может повлечь за собой неудачу в следующий раз или даже гнев хозяина (лешего, водяного). «Допустим, ты идёшь там, значит, на лося, то нельзя борзеть. Одново убил, второво не бей. Хоть даже будет у тебя возможность» (там же); «Трёх рысей взял... значит, примета такая, три покойника через гот» (с. Река).

Таким образом, охотнику как бы даётся разрешение убить на определённой территории определённое количество дичи. При этом охотник не имеет права не только превышать дозволенное количество добычи, но и покушаться на то, что «отведено» его коллеге, другому охотнику. «Допустим, ты идёшь, даже вот так вот по реке, видишь капкан стоит, ты не имеешь права, даже если там чево-то попало, ты не имеешь права взять» (с. Лаптево); «Нельзя вот, допустим, ты вот убил чево-нибудь, а я вот вместе с тобой нахожусь, увидел это, так у-у, какая красивая, там чё, это нельзя говорить, это значит к тому, што больше ты уже в этот день не поймашь ничего. Даже вот ты капкан ставишь, я не должен подходить к тебе с левово плеча, бычьим глазом не должен тебе масть сбить» (с. Лаптево).

Для обеспечения удачности охоты (рыбалки) и собственной безопасности хозяину оставляется понемногу всего, что едят охотники (рыбаки), иногда еда приносится для этого специально, ее оставляют на пнях, бросают в лесную чащу, в воду и т.д.

«Ак вот, там чёго, на рыбалку походят — тоже дают чево может дать. Кусок хлеба бросят ли, сахару кусок. [В воду?] В воду. Это бросают, бросают вот, кто рыболовы, рыбу-ту ловят постоянно-то. [Зачем?] А вот уж этого не могу сказать тебе, подрушка. Больше рыбы даёт» (с. Ловзаньга). Водяному могут отдавать лучшую рыбу из улова.

Широко распространен целый ряд рыбацких обычаев, призванных обеспечить удачный улов: например, при насадке червяка на него следует плюнуть, а первую рыбу надо поцеловать и отпустить. Существуют особые присказки; когда рыбак ждет клёва, он произносит: «Ловись рыба большая и маленькая». Возможен такой вариант: «Значит присказку надо сказать, да это вот, маленькая попадётся какая рыбинка-то, ее, прутьшек берёшь, и вот высечеш, штобы отец да мать шли, да старший брат, да сестра»; «Поди, поди сам, а пошли тётку, пошли дядьку. И обратно [отпускаешь ее в воду]» (с. Рягово).

Либо до, либо после первого улова или после последнего артели устраивала праздник и варила «общую» уху. Ее не разливали по отдельным тарелкам. «Всё правильно, всё правильно. Это, знаешь, сейчас всё стали каждому по своей тарелке, а раньше дак вот такое блюдо нальют, кругом сядут и [нрзб.] едят» (с. Нокола). До трапезы посуду с ухой поднимали над столом, иногда все присутствующие вместе. «Общую уху, так конечно, поднимают [горшок с ухой над столом]. И говорят: "Попадись... Ловись, рыба крупная и мелкая. Пошли, Господи, рыбакам на тоне, а нам на столе!"» (там же). Последний лов принято вытягивать всем селом.

Существуют еще несколько важных норм поведения в лесу и на водоеме. В лесу нельзя пить, громко говорить, смеяться, поминать лешего и т.д. На воде иногда появляется запрет рыбакам говорить вообще. «Ну, дак веть вот везде к берегу подходишь втихаря или из-за кустов ловишь. А разговаривать будешь — клёв не такой будет, не такой клёв будет: рыба слышит, видит» (с. Ольховец).

Существуют легенды о так называемых «глухих» озерах, на которых запрет на говорение приобретает категорический

характер. «У нас озеро есть. Вот там... но там ещё можно говорить, а там есть ещё за Замошьём озеро, вот, там восемь километров от деревни, там вообще говорить нельзя. Вот тянут тоню, если кто чё слово сказал, так там тебе попадёт то, что ты в жизнь не видал. Попадёт там... разной ерунды — еле невода достанут. Уже молчок, надо уже не говорить» (с. Нокола); «[Об одном из озер рядом с селом.] На озере разговаривать нельзя. Снасть когда ставят, опускают невод-от, ничё и не говорят. [Почему?] Не знаю. Глухо, говорят, озеро» (там же).

К.Н. ДЕНИСЕВИЧ,
студентка РГГУ
(Москва)



Рассказывает Иван Васильевич Никонов (1949 г.р.); с. Рягово Каргопольского р-на. 1998. Фото А. Трофимова